

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ПРАВО

DOI: 10.17805/zpu.2025.1.12

Гримасы либеральной демократии: закат модели или провал инклюзивной консолидации?

Часть I

Р. Т. МУХАЕВ

*РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,*

Е. Е. ПРОКОПЕНКО

РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Цель статьи — выявить причины кризиса современной модели либеральной демократии, определить возможности ее адаптации к новым экономическим, социокультурным и цивилизационным контекстам. В фокусе внимания авторов дискурс концепта демократии, его различные версии, реализованные в политических практиках современных стран, их достоинства и недостатки. Конфликт либеральной демократии и неолиберального экономического порядка породил деформации существующих моделей западной демократии. Опираясь на методологию сравнительного анализа, выявлены факторы реверсивности либеральной демократии, причины деградации ее институтов и вытеснения дискурса демократии из политической повестки первой четверти XXI в. Осуществлена теоретическая рефлексия состояния современной западной политической мысли о причинах кризиса режима либеральной демократии и возможных последствиях ее конфликта с современной неолиберальной экономикой Запада.

Ключевые слова: демократия; легитимность; представительность; либерализм; эффективность; политическая конкуренция; права человека; несвободные страны; индексы демократии; авторитаризм; реверсивность демократии

ВВЕДЕНИЕ

Противостояние авторитаризма и демократии, которое было актуальной повесткой на протяжении всего XX в., после распада «советского блока» в 90-е гг. XX в., казалось, завершилось победой либеральной демократии. Но ненадолго. Уже в отчете о состоянии свободы в мире за 2018 г. (Freedom in the World 2018) экспертами авторитетной неправительственной организации Freedom House был поставлен однозначный диагноз: «Демократия отступает!». В предисловии к отчету глава Freedom House М. Абрамовиц назвал основания для вынесения подобного вердикта: «Мы свидетели кризиса демократии. Ценности, которые защищает демократия (право на выбор руководителей во власти, свобода прессы и верховен-

ство права), сегодня оказались под большим давлением. Четверть века назад, после окончания холодной войны, казалось, что тоталитаризм остался в прошлом, а либеральная демократия одержала победу по итогам идеологических баталий всего XX века» (Состояние свободы в мире, 2018: Электронный ресурс).

Реверс либеральной демократии был вызван конфликтом, зародившимся в 70-е гг. XX в., с одной стороны, между неолиберальным экономическим порядком с тотальным господством свободного рынка, всевластием корпораций, снижением регулирующей роли государства, с другой стороны — институтами либеральной демократии, которые переживали кризис.

В первый приход в 2017–2021 гг. в Белый дом 45-го президента США Д. Трампа процесс деградации демократии продолжился и проявился в неэффективности президентской власти, которой противостоял конгресс, где большинство было у демократов. Второй приход Д. Трампа в Белый дом совпал с переходом под контроль республиканцев обеих палат конгресса. Победа консерватора-республиканца на президентских выборах в США 5 ноября 2024 г. означала не только рутинную смену демократической администрации — на республиканскую, но и пересмотр неолиберальной парадигмы, стремление повысить эффективность государственного управления, сократить расходы, ограничить влияние *deep state* (глубинного государства) в лице глав крупных корпораций и политических кланов.

Состояние современной западной демократии в первой четверти XXI в. западные эксперты диагностируют как кризисное. Так, британский социолог К. Крауч определяет политический режим современных развитых государств как постдемократию. В этой модели власти, по его мнению, юридически продолжают действовать все институты демократии (выборы, разделение властей, декларируются права человека), однако на практике происходит их постепенная эрозия, а принцип народовластия подменяется правлением замкнутых элит (Крауч, 2004).

Можно предположить, что наряду с всевластием свободного рынка и эгоизмом крупных корпораций главная причина деградации институтов либеральной демократии состояла в их неспособности ответить на многочисленные вызовы XXI в.: растущая пропасть между странами «золотого миллиарда» и глобального Юга, ставшая результатом политики глобализма, проводимой Западом, который эгоистично использовал преимущества глобализации; провал политики зеленой экономики и рост цен на энергоносители, которые привели к падению уровня жизни населения в самих развитых странах; смена технологического уклада, нарастающее социальное разнообразие, миграционный и продовольственный кризисы, обострившие кризис идентичности; изменения климата, экологические проблемы, пандемии, которые активировали вооруженные конфликты, гонку вооружения, всплеск терроризма, наркоторговли. Кризис системы либеральной демократии на Западе вызвал смену парадигм в мировоззрении элит и приход к власти в 20-е гг. XXI в. консерваторов не только в США, но и в Венгрии, Словакии, Бельгии, Австрии, Нидерландах, которые поднимают на щит идею национального государства, патриотические ценности и отрицают глобализм, политику разнообразия, гендерные свободы.

Так, «Альтернатива для Германии» (сокращенно — АдГ) — правая национал-консервативная политическая партия, традиционно причисляемая к ультраправым и популистским объединениям, на выборах в бундестаг в феврале 2025 г. заняла второе место (с результатом 20,8% голосов избирателей). Известна своей крити-

кой деятельности Евросоюза и леволиберальных ценностей, выступает за ужесточение миграционной политики; защиту суверенитета; сохранение традиционных ценностей; установление прямой демократии; защиту общества от терроризма.

Падение диктаторских режимов в Греции, Испании, Португалии в середине 70-х гг. XX в., по С. Хантингтону, ознаменовали собой начало третьей волны демократизации (Хантингтон, 2003). Прорыв к свободе стран Южной Европы запустил процесс перехода к демократии в странах мировой системы социализма — главного антагониста капиталистической системы, с присущей ей либеральной демократией. 9 ноября 1989 г. была снесена Берлинская стена — символ полувековой эпохи холодной войны, разделявшей мир на Восток и Запад, на противостоящие друг другу системы капитализма и социализма. В результате антикоммунистических революций 90-х гг. XX в. народы Восточной Европы и республик бывшего СССР провозгласили курс на построение свободного рынка и демократии. Эйфория получения благ от триумфального шествия норм и ценностей либерализма по планете охватила не только народы этих стран, но и политиков, экспертов, которые рисовали благостную картину открывающихся новых возможностей. Так, американский политолог Ф. Фукуяма в работе «Конец истории и последний человек» подвел итоги холодной войны, в которой, по его мнению, либеральные демократии одержали верх над автократиями. Крушение социализма, как он полагал, знаменует собой начало новой эры, в которой «новая политическая структура мира будет основана на ценностях свободного рынка и демократии» (Фукуяма, 2004: 52–111). Позже он отказался от своей идеи «конца истории».

Вопреки пророчествам Ф. Фукуямы о глобальном переустройстве мира на ценностях либерализма и демократии, им не суждено было сбыться ни в 2000 г., ни в 2024 г. Напротив, история выбрала другую траекторию развития: ее содержанием стал рост авторитаризма и реальное падение уровня гражданских прав. Уже в докладе о состоянии свободы в мире за 2019 г. эксперты Freedom House отметили признаки реверса демократии в качестве главного вектора развития первой четверти XXI в. (Состояние свободы в мире, 2019: Электронный ресурс). Этот тренд был вызван разными факторами, но касался всех трех категорий стран: свободных, частично свободных и несвободных, которые ранжируются экспертами Freedom House по индексу свободы. Главной причиной отката демократии третьей волны, по мнению С. Хантингтона, стало падение авторитета США в мире как глобального гаранта прав и свобод человека и провайдера демократии на новые регионы. (Хантингтон, 2003: 23–37). Это падение продолжилось и при президенте-демократе Дж. Байдене (2021–2025). Согласно рейтингу (Freedom in the World 2024), США по уровню политических и гражданских прав в 2024 г. оказались на 62-м месте среди 209 стран с индексом 82 из 100, потеряв 19 пунктов за 10 лет (Состояние свободы в мире, 2024: Электронный ресурс).

Может показаться, что откат демократии в первой четверти XXI в. в западных странах, и прежде всего в Европе, стал следствием провала политики зеленой энергетики, состоящей в переходе на возобновляемые источники энергии (солнечные батареи и ветряные генераторы), последствия которой привели к росту цен на энергоносители и, как следствие, к резкому падению уровня жизни. Однако истоки современного кризиса капитализма глубже, они зародились еще в 70-е гг. XX в. и стали следствием череды взаимосвязанных между собой кризисов: финансового, налогового, экономического, которые вызвали кризис легитимности. По мнению

немецкого социолога В. Штрика, эти кризисы стали частью длительной неолиберальной трансформации капитализма после Второй мировой войны, которые породили конфликты между странами, правительствами, избирателями и корпорациями (Штрик, 2019). Рассматривая противоречия позднего капитализма и демократии в рамках критической теории Ю. Хабермаса, Штрик полагает, что в рамках этой парадигмы были переоценены успехи быстрого послевоенного восстановления капитализма. Они произошли в результате совместного технократического управления, в котором объединились правительства и крупные корпорации. Опираясь на принципы стабильного роста, государство, бизнес и профсоюзы стремились преодолеть системные кризисные явления в экономике капитализма. Во главу угла теория позднего капитализма поставила не техническую управляемость современного капитализма, а его социальную и культурную легитимацию. В ней была преувеличена способность правительств к планированию и контролю и, напротив, проигнорирована возможность капитала выступать в качестве политического актора и стратегической силы. Кризисы 70–90-х гг. XX в., по мнению Штрика, стали демонстрацией все большего отделения экономики от массовой демократии, которое сопровождалось трансформацией кейнсианской модели послевоенного капитализма в неохайекианский режим. В последней трети XX в. произошло «высвобождение» глобального капитализма. Разнообразные обязательства, которые владельцы и распорядители капитала были вынуждены соблюдать после 1945 г., ими были отвергнуты. Для восстановления капиталистической системы в виде рыночной экономики государство проводило политику, целью которой была покупка времени для поддержания сложившегося хозяйственного и общественного уклада, что, в свою очередь, достигалось поощрением лояльности неолиберальному проекту общества. Государство позиционировало его как общество потребления и активно поддерживало его: сначала с помощью роста денежной массы и инфляции, затем растущего государственного долга и, наконец, через свободное кредитование населения. Спустя какое-то время каждая из этих стратегий теряла свою эффективность. Все это неминуемо приводило к проблемам легитимации системы, возникающим не столько среди масс, сколько в среде капитала — в форме кризисов накопления (там же: 25–75).

Не менее важной причиной реверса либеральной демократии стала политика разнообразия, равенства и инклюзивности, продвигаемая западными элитами. Эти ценности были отвергнуты культурным кодом стран «новых демократий» в Восточной Европе, Латинской Америке, Африке, Азии. Глобальный неолиберальный экономический порядок, навязанный западными элитами, породил стремительный рост национализма, усиление традиционализма и религиозного фундаментализма, вызвал протестную активность населения. Действуя одновременно, эти факторы стали причиной режимных трансформаций в этих странах в псевдodemократические режимы.

Стало очевидно, что капитализм переживает глубокий кризис. Многие западные авторы занялись поисками наилучшего социального порядка. В своей книге «Неприятности в раю» словенский социальный философ С. Жижек пытается ответить на вопрос, возможно ли найти выход из кризиса капитализма. Отталкиваясь от идеи Ф. Фукуямы о том, что либерально-демократический капитализм есть рай, т. е. конечная и наилучшая форма социального порядка, Жижек «примеряет» ее к Южной Корее. Философ рисует резко негативную картину нынешнего состоя-

ния мира и грядущего нового порядка. С одной стороны, высокотехнологичный капитализм Южной Кореи обусловил впечатляющее повышение уровня жизни, стандартов питания и потребления, но взамен потребовал постоянного роста производительности и непрерывной интенсификации ритма работы. С другой стороны, интенсификация труда, опустынивание жизненного ландшафта, виртуализация эмоциональной жизни породили такую степень одиночества, отчаяния, изоляции, конкуренции, чувства бессмысленности, принуждения, неуспеха, которой трудно сознательно противостоять, что вызвало высокую степень суицидальности. Идеологии, унаследованные от прошлого, не исчезли, как могло показаться ранее, они трансформировались в парадигму утраты субъектности. Современные идеологии превратились в дискурсы отложенной субъектности и представляют собой хорошо организованную матрицу образов, идей, ассоциаций. Проблема современности, по С. Жижеку, следующему традиции лакановского психоанализа, состоит в отсутствии при капитализме значимой когнитивной карты, в ослаблении отеческого символического авторитета. В его отсутствие разрастается патологический нарциссизм, пробуждающий призрак первобытного Реального Отца (Жижек, 2022: 3–45).

Следует заметить, что усвоение норм и институтов демократии в качестве мировоззренческих констант либерального политического порядка в странах Восточной Европы, Азии, Латинской Америки, Африки не было зеркальным, оно происходило в границах их культурных традиций (буддизма, конфуцианства, синтоизма). Так, индийская демократия в рамках Конституции 1950 г. осуществила рецепцию либеральных принципов и их инкорпорацию в национальные культурные коды, что обеспечило синтез модерна и традиции. Кроме того, возрождению национальной идентичности и росту суверенности актуальных моделей демократического порядка активно способствует полицентричная модель мирового порядка, формирующаяся с начала XXI в. По этим причинам режимы «новых демократий» пытаются органично имплементировать принципы и институты либеральной демократии в привычные культурные матрицы восприятия и традиционные модели поведения.

Цель исследования — поиск ответа на вопрос, что произошло с либеральной демократией: достигла ли пределов своих возможностей англосаксонская версия либеральной демократии, продвигаемая США, или исчерпал себя концепт либеральной демократии в целом, механизм которой оказался не в состоянии конвертировать нарастающее многообразие интересов в релевантный запрос большинства.

В условиях сокращения ресурсов либеральная версия демократии пришла в противоречие с неолиберальным экономическим порядком, в котором безгранично правит свободный рынок и крупные корпорации при пассивной роли государства. Следствием этого стало падение уровня жизни широких масс, вымывание среднего класса, галопирующий рост долгов и, как следствие, недовольство населения. На волне разочарования общества своим бедственным положением во многих западных странах к власти приходят популисты-консерваторы.

Напротив, национально-ориентированные модели демократии, включающие, в том числе, либеральные ценности, продвигаемые в странах Азии, Африки, Латинской Америки, показали высокую адаптивность к различным культурным средам, чуткость к запросам населения и значительный мобилизационный потенциал.

Гипотеза исследования: в отличие от моделей классических западных демократий, сложившихся на базе либеральных ценностей и политической конкуренции,

«новые демократии», испытывая влияние либеральных практик, по своей природе являются гибридными и проектными. В «новых демократиях» ценности демократии, свободы, рынка имплементируются в привычную картину мира, дополняя ее, и ускоренно прививаются населению. Для сохранения собственной идентичности таким демократиям нужны суверенные смыслы и формы повседневной репрезентации, которые бы учитывали их культурные коды и традиционные эпистемы. На их основе должны функционировать институты национального государства, способные улавливать актуальные запросы масс и эффективно реагировать на действия локальных и глобальных трендов. В России консолидация общества осуществляется на основе реализации целей указов Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

ГЕНЕЗИС И ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТА ДЕМОКРАТИИ

Факты неэффективности режимов западных демократий в условиях неолиберального экономического порядка и нарастающей неопределенности XXI в. возвращают нас к вопросу о том, насколько очевидны достоинства демократии по сравнению с диктатурой. Французский социолог А. де Токвиль выделял две несомненных добродетели демократии: а) сама сущность демократического правления представляет собой верховенство большинства; б) именно демократия способствует благополучию наибольшего числа граждан, обеспечивает политическую свободу и широкое участие масс в управлении (Токвиль, 2000: 46–143). Выбор К. Поппера в пользу демократии шел от противного: «Мы основываем наш выбор не на добродетелях демократии, которые могут быть сомнительны, а единственно на пороках диктатуры, которые несомненны... Этого достаточно, чтобы сделать выбор в пользу демократии...» (Поппер, 1991: 41).

Для того чтобы разобраться в том, насколько сомнительны добродетели демократии, рассмотрим дискурс концепта демократии и ее институциональные модели.

В научный дискурс термин «демократия» был введен Аристотелем в V в. до н. э. (Аристотель, 2022). В Античности демократия была отнесена Аристотелем к неправильным формам правления из-за ее неспособности обеспечить политическую стабильность и разрешить конфликт демоса и аристократии. При этом, по Аристотелю, достижение общегражданского блага было возможным в политике — режиме, сочетающем признаки демократического и аристократического правления. Главным в определении демократии считалась степень участия граждан в политической жизни. Классическая модель демократии в греческих полисах была моделью прямой демократии, где граждане полиса, собираясь на площади, решали актуальные вопросы. Прямая демократия исходила из тождества правящих и управляемых и открывала возможности участия всех полноправных граждан в принятии политических решений. В силу различных причин понятие «демократия» оказалось размытым. В зависимости от времени и контекстов его использования, термин «демократия» приобретал разные коннотации.

В Средневековье (V–XVI вв.) господство католической церкви вытеснило философско-этическую интерпретацию демократии, заменив ее религиозной картиной

мира, которая исходила из греховной природы человека. Примат духовной власти над светской, казалось, закрыл вопрос о плюрализме форм политического порядка. Однако, несмотря на засилье католической церкви, рациональная критика теологического мироустройства стала развиваться мыслителями эпохи Возрождения в рамках гуманизма как светского типа западного мышления, где государство выводилось из природы человека. В отличие от католичества, исходившего из природной греховности человека, который должен искупать ее молитвой и ожиданием Страшного суда, протестантизм, возникший в результате Реформации (1517–1550) как движение за реформу церкви, проповедовал свободу вероисповедания и возможность искупления грехов через добросовестный труд. Протестантизм проповедовал принцип «честной наживы», который стал мировоззренческим обоснованием капитализма.

В Новое время (XVII–XIX вв.) термин «демократия» включал в себя не только формы политического правления (народовластие), эволюция которых связана с переходом от цензового избирательного права к всеобщему, но и мировоззренческие, идеологические, моральные, социальные константы человеческого бытия. В эпоху зарождающегося капитализма распад религиозной картины мира позднего Средневековья вызвал состояние социальной аномии, которое активировало поиск рационального объяснения реальности, новых смыслов и идеалов существования. В Новое время произошла смена парадигм в объяснении природы человека, его способности к рациональной организации политического порядка. Начало этому процессу положила эпоха Просвещения (XVIII в.), провозгласившая идеи равенства всех людей перед законом, свободы слова, печати, совести, прогресса через освобождение человека от религиозных и сословных предрассудков, через распространение образования и науки. В XIX в. уже идеологии стали формулировать новые смыслы и побудительные мотивы. Идеология понимается как концептуально оформленная система взглядов и идей, отражающая интересы различных социальных классов и групп, в которой осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу. Соединяя в себе мечту об «идеальном обществе» и методы его достижения, идеология превращалась в мощный инструмент социальных трансформаций. По Э. Шилзу, (1) «идеология представляет собой систему убеждений, которая закономерно выходит на политическую сцену в период серьезных общественных кризисов»; (2) «будучи политическим мировоззрением, идеология представляет собой такую систему ценностей, которая имеет силу веры и потому обладает большим ориентационным потенциалом»; (3) «ориентационные возможности идеологии настолько значительны, что она способна преодолеть состояние социальной аномии, обусловленное кризисом» (Theories of society, 1961: 72). В Новое время такими системами убеждений и ценностей стали идеологии либерализма, консерватизма, социализма.

Исторически первой идеологией был либерализм. Либерализм устранил противоречие между религиозной картиной мира, призывавшей к смирению и молитвам во искупление греховной природы индивида, и потребностями зарождавшейся буржуазии в получении прибыли. В процессе становления национальных государств и расширения их границ, роста разнообразия интересов гражданского общества возникла потребность в институтах представительства интересов групп, классов и способах их взаимодействия. Появились парламенты, правительства, партии, элиты, лидеры, деятельность которых регламентировалась правовыми

нормами, закрепленными в конституциях. В Новое время демократия уже понималась как набор институтов и процедур принятия и реализации решений, призванных отражать запросы избирателей. Для национальных государств актуальным стал поиск релевантных моделей согласования разнородных интересов.

Исторически первой стала модель либеральной демократии. Отражая интересы предпринимателей, городских низов и крестьян, недовольных политикой абсолютизма, либерализм стал идейной основой буржуазных революций XVII–XVIII вв., целью которых было построение «царства свободы», где личности гарантированы ее права и свободы. Французский мыслитель Жан Антуан де Кондорсе уподобил наступление эры либерализма, прогресса и просвещенного правления восходу солнца: «Настанет момент, когда солнце будет освещать землю, населенную только свободными людьми, не признающими другого господина, кроме своего разума» (Кондорсе, 2011: 28).

Основу либерального государства составляет общественный договор, учреждаемый индивидами для защиты их неотчуждаемых прав на жизнь, свободу, частную собственность, данных им по факту рождения. Наделяя индивида этими естественными правами, либерализм утверждает веру в автономию человека, его способность разумно пользоваться принадлежащими ему правами и свободами, самостоятельно понять проблему и найти ее решение. Для реализации естественных прав необходимы общественные институты, в силу которых либералы верили и рассматривали их в качестве главных факторов прогресса. Либералы четко разделяли сферу частных интересов, представленную гражданским обществом, и сферу публичных интересов, реализуемых государством. Согласно Дж. Локку, для самосохранения среди себе подобных внутри гражданского общества индивиду нужно не оружие, а собственность: «Поскольку люди являются... по природе свободными, равными и независимыми, то никто не может быть выведен из этого состояния и подчинен политической власти другого без своего собственного согласия. Единственный путь, посредством которого кто-либо отказывается от своей естественной свободы и надевает на себя узы гражданского общества, — это соглашение с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в большей безопасности, чем кто-либо не являющийся членом общества» (Локк, 1988: 319). В гражданском обществе, по Локку, инстинкт самосохранения индивида превращается в стремление к приобретению собственности, ограниченное, впрочем, моралью и правом. В этих условиях государство выступает в роли «ночного сторожа», главная функция которого состоит в обеспечении законности, правопорядка и безопасности граждан. Государство не вмешивается в экономику и частную жизнь граждан, а принцип разделения властей на законодательную, исполнительную, судебную ветви предохраняет общество от установления режима личной диктатуры или деспотии.

Режим конституционного правления предусматривал, что взаимодействие государства и гражданского общества опирается на систему правовых констант: 1) принцип народовластия, означающий учреждение парламента путем свободных выборов; 2) принцип независимости юстиции; 3) свобода накопления и защита собственности; 4) свобода слова и вероисповедания; 5) отделение церкви от государства. Институциональной формой этого порядка является демократия, которая позволяет гражданину влиять на текущую политику государства прямо (выборы, рефе-

рендум) либо косвенно (через партии, организации), не давая демократии перерасти в охлократию, т. е. тиранию большинства. Политическая система опирается на принцип политического плюрализма, создающий возможности для конкуренции политических сил, позволяющий оппозиции контролировать правящую партию.

Таким образом, либерализм как политическая идеология рассматривает государство в качестве инструмента достижения главной цели, состоящей в том, чтобы гарантировать верховенство и неотчуждаемость естественных прав и свобод индивида. Приоритетным среди них является право частной собственности, умножение которой выступает главным смыслом жизни индивида, основой его индивидуальной свободы и условием ее реализации. Институтами реализации всех форм индивидуального самовыражения в разных сферах являются свободный рынок, государство и демократия.

При всех достоинствах модели либеральной демократии она имеет существенные недостатки. Главными пороками классической модели либеральной демократии являются следующие: 1) чрезмерный разрыв в уровне жизни разных слоев общества и обнищание части населения, вызванные «слепым» действием законов рынка; 2) стяжательство и погоня за прибылью оставляют за скобками вопрос о «цене прогресса». Частная собственность и рынок превращаются в жернова истории, которые безжалостно перемалывают тех, кто оказался неудачником.

Эти издержки стали причиной активного поиска в странах Западной Европы в XIX в. оптимального соотношения рынка и государства в механизме социального регулирования. Их новый баланс был найден в трех версиях социального государства в Европе, где обязательства по социальному обеспечению граждан и гарантиям их благосостояния были возложены на государство. Это консервативная модель государства социального обеспечения (Германия), «государство всеобщего благосостояния» социал-демократии в странах Западной и Северной Европы и доктрина социального либерализма (Великобритания), ставшая результатом критического переосмысления классической версии.

В доктрине социального либерализма были подвергнуты ревизии базовые положения либеральной демократии: 1) государство перестало трактоваться как «ночной сторож» и выступало основным элементом в механизме рыночной коррекции; 2) частная собственность и рынок больше не рассматривались в качестве главных самодостаточных институтов саморазвития. Развивая идеи Джона Ст. Милля, базовые положения социального либерализма сформулировал Джон Мейнард Кейнс (1863–1946). Он поставил под сомнение возможности рыночной системы выступать механизмом самокоррекции, который способен одновременно поддерживать экономический рост и обеспечивать полную занятость (Кейнс, 2012: 9). Для достижения этих целей государству вменялась обязанность разумно и достаточно вмешиваться в экономическую и социальную жизнь. Для развития деловой активности бизнеса государство обеспечивало владельцев предприятий инвестициями и рынками сбыта, тем самым гарантировало им устойчивый рост прибыли. Одновременно в целях повышения уровня жизни рабочих государство взимало значительную часть прибыли компаний в виде налогов. Государство проводило активную политику: были приняты законы о социальном страховании и социальных пособиях, открыты бесплатные школы, больницы, национализированы неэффективные, но социально значимые отрасли экономики. Как показал опыт стран Западной и Северной Европы, политика социального партнерства позволила преодолеть соци-

альный антагонизм бизнеса и рабочих, достичь баланса их интересов, обеспечить высокий уровень жизни общества.

Институциональные формы либеральной демократии, которые сложились в западных странах в XVIII–XX вв., различаются механизмами согласования интересов и режимами взаимодействия властей. Условно можно выделить три классические модели либеральной демократии.

Модель либеральной демократии в Великобритании функционирует в форме *парламентской монархии*, основу которой составляет принцип верховенства парламента в механизме публичной власти. Эффективность британской модели обеспечивает режим сотрудничества парламента и правительства. Формально монарх обладает широкими полномочиями в форме *префератив* — исключительных прав, не исходящих от парламента. Король является главой государства, утверждает премьер-министра, обладает полномочиями верховного главнокомандующего. Однако на практике он ими не пользуется. Ответственность за проводимый политический курс несет партия, победившая на выборах, а лидер этой партии формирует кабинет (правительство), которое опирается на парламентарское большинство. Проигравшая партия уходит в оппозицию, критикует правящую партию и может сменить ее на следующих выборах.

Модель либеральной демократии в США функционирует в форме *президентской республики*. Ее основу составляет режим жесткого разделения властей, работающий по принципу «сдержек и противовесов» и купирующий возможность установления деспотии какой-либо ветви власти. Ответственность за эффективность функционирования демократии в США возложена на президента в течение его срока правления. Президентская модель эффективна лишь в том случае, если в конгрессе большинство составляют депутаты, принадлежащие к партии президента. При этом политические партии в США не являются, как в Великобритании, выразителями общественной воли и каналами коммуникации власти и общества, они служат лишь маркерами политической идентификации кандидатов на президентских и парламентарских выборах.

Современная версия либеральной демократии во Франции была учреждена Конституцией 1958 г., которая закрепила модель *смешанной, президентско-парламентарской республики*. В ней доминирующую роль в определении стратегии развития и выбор средств ее достижения играют президент и правительство. Им придана регламентарная власть, которая предусматривает право президента и правительства принимать акты (декреты и ордонансы), имеющие силу закона. Концентрация властных полномочий в руках исполнительных органов была продиктована верой в их способность согласовывать интересы разных слоев французского общества, опиравшейся на традицию, возвращенную двумя веками абсолютизма. Напротив, парламент во французской модели наделен ограниченными властными полномочиями, и он, скорее, выступает трибуной выражения запросов групп, чем органом принятия решений. Многопартийная система французского общества отражает многоликую палитру интересов и запросов, которую зачастую достаточно непросто согласовать. Одним из столпов, который организует функционирование режима Пятой республики, является разветвленная система французской бюрократии.

Либеральной версии политического порядка противостоит доктрина *социалистической демократии*, разработанная К. Марксом и Ф. Энгельсом в середине XIX в.

Они подвергли жесткой критике базовые положения концепции либеральной демократии. Классики марксизма отвергали капитализм как модель общественного устройства, поскольку он не создает условия для свободного развития всех и каждого. По их мнению, главное противоречие капитализма состоит в том, что результаты общественного труда миллионов работников присваивает себе узкий круг собственников фабрик и заводов. Это противоречие являлось источником классового антагонизма. В целях его преодоления, согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу, следует покончить с частной собственностью и неравенством, действием безликих законов рынка и создать необходимые условия для сотрудничества людей, их ассоциаций, тем самым перейти из «царства необходимости» (капитализм) в «царство свободы» (коммунизм). Совершить этот переход и установить социалистическую демократию должен пролетариат, историческая миссия которого заключается в свержении капитализма и построении социализма. Для этого ему необходимо осуществить социальную революцию, захватить власть, разрушить старую систему государственной власти и учредить государство трудящихся в форме диктатуры пролетариата. Диктатура пролетариата есть форма социалистического государства, которая при создании экономических, социальных и культурных условий постепенно перерастет в общественное самоуправление. При коммунизме государство отомрет, поскольку в обществе будет достигнута гармония индивидуальных и общественных интересов при приоритете последних. «Общество, — писал Ф. Энгельс, — которое заново организует производство на основе свободного и равного объединения производителей, поместит весь государственный аппарат туда, где ему и место, — в музей древностей, рядом с прялкой и бронзовым топором» (Энгельс, 2022: 25).

Третья модель западной демократии была предложена немецкой социал-демократией во главе с Э. Бернштейном в 80-е гг. XIX в. в доктрине *демократического социализма*, сочетавшей положения либеральной и социалистической демократии. В доктрине ревизии были подвергнуты фундаментальные положения марксизма о социалистической революции и диктатуре пролетариата. Критикуя капитализм, социал-демократы не собирались его разрушать. Следуя принципу: «Движение — все, конечная цель — ничто», они полагали построить социализм путем постепенных реформ внутри капитализма. Для этого они планировали завоевание государственной власти не в результате революции и слома буржуазного государства, а мирно — путем победы на выборах и получения большинства мест в парламенте. Победа на выборах, считали они, позволит сформировать партийное правительство. Впервые доктрина демократического социализма была реализована в странах Северной Европы в первой половине XX в. За 100 лет развития скандинавская модель знала как периоды подъема, так и периоды спада (Гришин, 2005: 76–87).

В 1951 г. во Франкфурте-на-Майне (Германия) собрался Учредительный конгресс Социалистического интернационала (Социнтерна), на котором делегаты от 34 социалистических партий Западной Европы приняли декларацию «Цели и задачи демократического социализма». В ней построение общества социальной демократии было заявлено в качестве главной цели. Учреждение социальной демократии предлагалось осуществить без классовой борьбы, социалистической революции и установления власти рабочего класса, а путем постепенной трансформации капитализма. В результате солидарное общество будет основано на социальном

партнерстве разных групп и в своей деятельности будет соблюдать следующие базовые принципы: 1) несовместимость социальной демократии с любыми формами диктатуры; 2) гарантии основных прав и свобод индивида; 3) перенос принципов демократии на все сферы жизни; 4) формирование органов власти на свободных выборах; 5) гарантии принципа политического плюрализма; 6) свобода частной собственности и конкуренции; 7) социальная ответственность бизнеса. Эти принципы легли в основу *солидаристской* модели демократии. В ее основе лежит базовый консенсус бизнеса и профсоюзов, включающий три ценности: свобода, справедливость и солидарность. Эта модель была реализована в странах Западной Европы в 70–90-е гг. XX в. (Лебедев, 2013: 300–321).

С началом холодной войны в 1946 г. двух сверхдержав СССР и США за глобальное лидерство концепт демократии как модель послевоенного переустройства обществ на принципах свободы и прав человека перестала быть предметом академических дискуссий, а демократия как режим превратилась в главный маркер оценки эффективности системы капитализма и социализма. После окончания холодной войны, ознаменовавшейся крахом социализма в Восточной Европе и распадом СССР, либеральная демократия, благодаря гегемонии США, превратилась в главный критерий «полноценности» государств. Международные организации (Всемирный банк, МБРР, Freedom House), финансируемые США, стали ранжировать страны на «развитые и неразвитые» на основе их соответствия стандартам и нормам либеральной демократии. Однако торжество либеральной демократии продлилось недолго. На рубеже XX–XXI вв. не только иссякли ресурсные возможности институтов западных демократий, но и произошло резкое перераспределение общественного блага в пользу крупных корпораций, которые превратились в стратегическую силу. Под влиянием идеологии и практики неолиберализма произошла делегитимизация институтов либеральной демократии как внутри западных стран, так и за их пределами. По этой причине, согласно данным Freedom in the World, период с 2006 по 2024 г. характеризуется «скорее, отступлением демократии, чем ее победами, а также появлением “серых зон”, стран с особым режимом, который характеризуется демократическими и авторитарными тенденциями» (Состояние свободы в мире, 2024: Электронный ресурс). Что же случилось с западными либеральными демократиями?

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ В ФОКУСЕ ЗАПАДНОЙ НАУКИ: КРИЗИС ИЛИ ПЕРЕЗАГРУЗКА?

Следует признать, что очевидную тенденцию постепенного снижения показателей среднемирового уровня демократии, падения качества функционирования демократических институтов, нарастающей дивергенции институционального порядка и культурных практик, которая затронула развитые страны Запада, стали замечать в западной науке в начале XXI в. Непросто было ответить на вопрос, почему институциональный порядок, который обеспечивал успешное функционирование либеральной демократии в течение длительного времени, внезапно оказался дисфункциональным. Робость, с которой западные авторы подступались к этой теме, объяснима. Прежде всего этому мешал устойчивый нарратив, согласно которому процветание и непрерывное поступательное развитие стран Запада неизменно связано с институтами и ценностями либеральной демократии. Однако на рубеже XX–XXI вв. этот нарратив разбился о глобальные угрозы и вызовы, дей-

ствие которых разрушило благотворное влияние экзогенных и эндогенных факторов, составлявших фундамент прежнего материального благополучия западных стран.

Демократические институты, столкнувшись с нарастающим социальным разнообразием, дополненным последствиями информационно-технологической революции и миграционного кризиса, оказались не в состоянии обеспечить системную социальную интеграцию различных групп на основе ценностей и норм *общей* реципрокности, т. е. форм взаимодействия, совершаемых на основе взаимного признания симметрии прав, свобод и обязанностей индивидов, равенства людей перед законом (Аршин, 2024). На макроуровне принципы равенства граждан перед законом, признание индивидуальных прав и свобод, их гарантии со стороны государственной власти постепенно заменили привилегии отдельным группам. На микроуровне политическая самоорганизация и коммуникация индивидов стала осуществляться на основе норм и ценностей *специфической* реципрокности, т. е. взаимного признания этнических, родственных, клановых, групповых, гендерных, дружеских паттернов. Произошел разрыв между формальными отношениями, регулируемые *универсальными* нормами права и морали, и *партикулярными*, местными, который привел к дивергенции институционального порядка и культурных паттернов. По этой причине оценки состояния демократии и причин ее кризиса в западной науке в начале XXI в. оказались крайне противоречивыми. Плюрализм подходов в понимании причин кризиса либеральной модели демократии вызван разной оценкой роли факторов, используемых в его объяснении. Их комбинация породила разброс мнений в диагностике состояния либеральной демократии в западной науке.

Наиболее зримо кризис либеральной демократии просматривается в рамках *институционального* подхода, согласно которому институты либеральной демократии оказались неэффективными в условиях новой нормальности. Так, анализируя британскую модель демократии, Э. Грейлинг приходит к выводу, что «провал демократии» в Великобритании является следствием дисфункции политических институтов (Grayling, 2017: 7–17). Причинами институциональной дисфункции он называет режим слияния властей, диктат корпоративных интересов, мажоритарную систему относительного большинства с одним победителем, работающую по принципу «first past the post» («первый мимо почтовой системы»), идеологический разрыв между элитой и населением. В целях устранения данных институциональных недостатков он предлагает введение пропорциональной электоральной системы и обязательного голосования, а также разделение исполнительной и законодательной ветвей власти.

Нарратив о том, что кризис демократии в странах Запада стал следствием дисфункции институтов, развивают профессор Гарвардского университета С. Левитски и Д. Зиблатт (Levitsky, Ziblatt, 2018: 25–30). Фокус внимания авторов обращен в сторону современной западной политической элиты, которая оказалась неспособной продвигать демократическую повестку и обеспечить поддержку демократических норм. Причиной надвигающегося авторитарного реверса С. Левитски и Д. Зиблатт считают крайнюю неоднородность политической элиты. В ее структуре они выделяют четыре группы политиков: первые — отрицают на словах и на практике демократические правила игры; вторые — ставят под сомнение легитимность своих оппонентов; третьи — поощряют насилие как метод политической

борьбы; четвертые — готовы покуситься на права и свободы своих оппонентов, включая СМИ. Проявлением кризиса элит, по их мнению, стали Брекзит, избрание Д. Трампа президентом США, волна правого популизма в континентальной Европе. Ответственность за кризис демократии С. Левитски и Д. Зиблатт возложили на современные западные политические элиты. Авторитарная тенденция внутри правящего класса проявилась в приходе к власти крайне правых лидеров (лидер Народной партии С. Курц в Австрии), и росте влияния националистических сил. Так, ультраправая партия «Альтернатива для Германии» в 2017 г. стала третьей парламентской фракцией в бундестаге ФРГ, а в 2025 г. она победила на парламентских выборах во всех землях Восточной Германии.

В рамках *политико-культурного* подхода кризис либеральной демократии связывают с ростом антидемократических ценностей среди населения западных стран, вызванным разными факторами. Так, по мнению С. Фoa и Я. Мунка, неэффективность формальных институтов либеральной демократии обусловлена поколенческими сдвигами, которые формируют новые приоритеты и запросы. В меняющейся реальности отторжение политической системы со стороны молодежи вызвано тем, что система не создала для нее социальные лифты, не смогла интегрировать ее потенциал в социальное созидание (Foa, Mounk, 2017: 5–15). По их мнению, главным драйвером заката либеральной демократии стал рост антидемократических воззрений в молодежной среде. Авторитарная культурная трансформация была вызвана падением уровня жизни, нарастанием социального неравенства. Следствием этого стало широкое распространение популизма, а наплыв мигрантов обусловил приход к власти националистов в ряде стран Западной Европы.

В границах политико-культурного подхода существует группа ученых, которые не разделяют столь пессимистических выводов С. Фoa и Я. Мунка. Они иначе оценивают состояние западной демократии и ценностные ориентации молодежи. Так, британская исследовательница П. Норрис отмечает отсутствие логики в суждениях С. Фoa и Я. Мунка (Norris, 2017: 5). Если причиной эрозии демократических институтов является рост недовольства политической системой среди молодежи, то почему электоральную базу сторонников Брекзита и Д. Трампа составляли в основном люди старшего возраста? Сама Норрис иначе определяет степень эрозии демократических институтов. По ее мнению, колебания в показателях лояльности к институтам демократии в западных странах несущественны, в отличие от показателей некоторых стран Восточной Европы. С ней солидарен голландский политолог Э. Воетен, который связывает рост недовольства демократической системой и известное падение доверия к институтам демократии с возросшим уровнем запросов граждан, повышением их требовательности к функционированию национальной политической системы (Voeten, 2016: 3–18).

Не склонны видеть признаки упадка демократии в западных развитых странах немецкие ученые Э. Александер и К. Вельцель (Alexander, Welzel, 2017: 1–15). По их мнению, незначительный спад в показателях качества демократии является временным и обусловлен постоянно растущим ценностным разрывом между разными поколениями и социальными классами. Они отмечают, что большей части молодежи свойственны продемократические и пролиберальные ценности, в то время как старшее поколение исповедует антидемократические и антилиберальные установки. Вызывает сомнение и методика измерения уровня интернализации антидемо-

кратических ценностей, которую используют С. Фoa и Я. Мунк. Автор репрезентативного исследования культурных ценностей в 80 странах Р. Инглхарт полагает, что приверженность граждан демократии или их склонность к антидемократическим тенденциям вроде желания иметь у руля управления сильного лидера не являются предвестниками демократического правления. Парадоксально, но факт: население ряда автократий относится к демократии крайне положительно и тем не менее продолжает жить в условиях автократии (Инглхарт, 2015: 18–23).

В границах *цивилизационного* подхода кризис либеральной демократии отрицается, поскольку развитие человечества осуществляется волнообразно. Каждое культурное сообщество обладает собственной внутренней логикой исторического развития, которая задана системой ценностей, традициями, культурой. В соответствии с ними развитие демократии в мире носит волнообразный характер, где переход одной группы стран к демократии затем сменяется попятным движением другой. Впервые закон реверсивного развития демократии выявил политолог С. Хантингтон в работе «Третья волна: Демократизация в конце XX столетия» (Хантингтон, 2003). Анализируя демократические преобразования в мире с начала XIX в., он пришел к выводу, что продвижение демократии в мире происходит волнообразно. Он насчитал три демократические волны, каждая из которых сменялась их последующим откатом. Следует отметить, что не все западные авторы разделяют этот подход. Так, А. Пшеворский оспаривает волнообразную интерпретацию процесса демократизации, настаивая «на экономических детерминирующих факторах политических изменений и нелинейной структуре трансформации» (Пшеворский, 1999:15). Тем не менее подход С. Хантингтона признан в западной науке наиболее авторитетным. Под «*демократической волной*» он понимал «переход группы стран от недемократических режимов к демократическим, протекающий в определенный период времени и по численности существенно превосходящий те страны, в которых за этот период времени развитие протекает в противоположном направлении» (Хантингтон, 2003: 34). В ходе *первой* волны демократизации, в 1820–1920 гг., переход к демократии совершили 29 государств Северной Америки и Западной Европы, он произошел в Новой Зеландии, Аргентине, Исландии, Ирландии. Во *вторую* волну, 1943 г. — начало 1960-х гг., переход к демократии совершили сразу 36 стран с авторитарным режимом. *Третья* волна демократизации началась с со свержения военных диктатур в Греции, Португалии, Испании в 70-х гг. XX в. Затем к ним присоединились страны Латинской Америки, а в 80-е гг. XX в. демократические революции произошли в Польше, Венгрии, Болгарии, Румынии, Чехословакии, ГДР.

Демократии «третьей волны» имели специфические черты, благодаря которым режимы, учрежденные в этих странах, получили название «*новых демократий*». Если в двух первых волнах транзит демократии опирался на либеральную традицию, которая вызревала внутри капиталистического общества на основе протестантской этики и лояльности к закону и государству, то «новые демократии» формировались под влиянием внешних факторов. Согласно С. Хантингтону, идеологом и вдохновителем транзита демократии третьей волны были США. Транзит демократии стал главным нарративом доктрины глобального доминирования США, а продвижение демократии в новые страны осуществлялось с использованием технологий Soft Power. Применение этих технологий в первом десятилетии XXI в. привело к серии цветных революций и смене режимов на постсоветском простран-

стве (Грузия, Украина, Киргизия), до этого — в Югославии. Правда, экспорт демократии не удался в других постсоветских республиках: в Узбекистане (2005), Белоруссии (2006, 2010), Армении (2008, 2016), России (2011–2013) и Молдове (2015–2016). Не осуществилась попытка захвата власти в Казахстане в январе 2022 г. В первой половине XXI в. стратегия «продвижения демократии» была реализована в странах Ближнего Востока и Северной Африки. По ним прокатилась волна демонстраций, путчей, свержений диктаторских режимов в арабском мире (Зин эль-Абидин Бен Али в Тунисе, Хосни Мубарак в Египте, Муаммар Каддафи в Ливии и т. д.), получившая название «арабская весна». Следует заметить, что поводом для массовых выступлений было не только воздействие внешних сил, но и коррумпированность правящих элит и нищета масс. Это проявилось, в том числе, и в недавнем падении в Сирии режима Башара Асада. События «арабской весны» сопровождались массовыми акциями протестов, которые в большинстве случаев имели бескровный характер и завершились откатами к исходному состоянию. В начале 2025 г. были предприняты неудачные попытки экспорта западных демократий в Грузии, Сербии, Словении. Практика показала, что демократия должна вызревать внутри общества, а не экспортироваться извне. Этот нарратив особенно актуален в переломное время, которое переживает современная цивилизация (Коллин, 2022).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, несмотря на разброс мнений в западной науке относительно причин и состояния либеральной демократии, очевидно, что она переживает кризис. Как было сказано ранее, он вызван нарастающим расхождением институтов и норм либеральной демократии, запросами общества и политикой элит. В этом смысле, скорее, правы С. М. Липсет, К.-Р. Сен, Д. Ч. Торрес, которые связывали развитие демократии с наличием ряда факторов: «Демократия возможна и наиболее вероятна в индустриально развитых странах с рыночной экономикой, сглаженным социальным неравенством и низким уровнем конфликтности, с многочисленным средним классом и влиятельной рыночной буржуазией, партиями, движениями и группами интересов, т. е. политическим плюрализмом» (Липсет, Сен, Торрес, 2008: 24). Как раз деформация этих факторов и привела к кризису либеральной демократии в развитых странах. Можно согласиться с мнением известного американского экономиста, лауреата Нобелевской премии Дж. Стиглица, что главной причиной кризиса современной западной демократии является экономический неолиберализм, который выражается в слепой вере в эффективность рынков и их саморегулирование, в нарративе о том, что чем больше богатеют владельцы корпораций, тем лучше всем, поскольку они неизбежно конвертируют свои сверхдоходы в инвестиции и растущие заработные платы (идея «просачивания доходов»). Согласно Стиглицу, следующему в этом отношении идеям Кейнса, рынки неспособны эффективно функционировать без администрирующей роли институтов государственного регулирования. В противном случае общество получит плохо управляемую глобализацию, неограниченную власть корпораций и ничем не оправданное неравенство доходов (Стиглиц, 2020: 17). Осознает ли эту опасность 47-й президент США Д. Трамп, который действует в рамках иной парадигмы?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель (2022) Политика / пер. с др.-греч. С. А. Жебелева. М. : АСТ.
- Аршин, К. В. (2024) Коллективизм в дискурсе современного национализма: кризис гражданского общества и воссоздание «мы» // Знание. Понимание. Умение. №2. С. 70–79.
- Гришин, И. В. (2005) Шведская модель общественного развития // Мировая экономика и международные отношения. №10. С. 76–87.
- Жижек, С. (2022) Неприятности в Раю. От конца истории к концу капитализма / пер. М. Леонович. М. : Рама Паблишинг. 361 с.
- Ингхарт, Р. (2015) Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир : пер. с англ. М. : Мысль. 347 с.
- Кейнс, Дж. М. (2012) Общая теория занятости, процента и денег. М. : Гелиос АРВ. 399 с.
- Кондорсе, Ж. (2011) Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М. : Либроком. 280 с.
- Колин, К. К. (2022) Человечество на переломе: проблема выбора целей и стратегий глобального развития // Знание. Понимание. Умение. №3. С. 33–49.
- Крауч, К. (2023) Постдемократия / пер. Н. Эдельмана. М. : ИД Высшей школы экономики. 190 с.
- Липсет, С. М., Сен, К.-Р., Торрес, Д. Ч. (2008) Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // Международный журнал социальных наук. Сравнительная политология. С. 5–33.
- Лебедев, А. С. (2013) Кризис «шведской модели» государства всеобщего благосостояния // Международные отношения и диалог культур / под. общ. ред. С. Н. Погодина. СПб. : Изд-во Политехнического университета. С. 300–321.
- Локк, Дж. (1988) Соч. : в 3 т. Т. 3. М. : Мысль. 673 с.
- Поппер, К. (1991) Демократия и народоправие // Новое время. №8. С. 41–43.
- Пшеворский А. (1999) Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке : пер. с англ. М. : РОССПЭН. 319 с.
- Состояние свободы в мире (2018) Freedom in the world 2018: report of Freedom House [Электронный ресурс]. URL: // <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2018/democracy-in-retreat> (дата обращения: 01.12.2024).
- Состояние свободы в мире (2019) Freedom in the world 2019: report of Freedom House [Электронный ресурс]. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2019/democracy-in-retreat> (дата обращения: 01.12.2024).
- Состояние свободы в мире (2024) Freedom in the world 2024: report of Freedom House [Электронный ресурс]. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2024/democracy-in-retreat> (дата обращения: 01.12.2024).
- Стиглиц, Дж. (2020) Люди, власть и прибыль. Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства : пер. с англ. М. : Альпина-Паблишер. 511 с.
- Токвиль, А. де (2000) Демократия в Америке / пер. В. Т. Олейника и др. М. : Весь мир. 560 с.
- Фукуяма, Ф. (2004) Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М. : АСТ. 351 с.
- Хантингтон, С. (2003) Третья волна. Демократизация в конце XX века / [пер. с англ. Л. Ю. Лапшиной]. М. : РОССПЭН. 365 с.
- Штрик, В. (2019) Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма : пер. с нем. М. : ИД Высшей школы экономики. 280 с.
- Энгельс, Ф. (2022) Происхождение семьи, частной собственности и государства. М. : Эксмо-Пресс. 228 с.
- Alexander, A. C., Welzel, C. (2017) The Myth of Deconsolidation: Rising Liberalism and the Populist Reaction // ILE Working Paper. № 10. University of Hamburg, Institute of Law and Economics. P. 1–15

- Grayling, A. C. (2017) *Democracy and its Crisis*. Oneworld Publications. 240 p.
- Levitsky, S., Ziblatt, D. (2018) *How Democracies Die*. Penguin. 312 p.
- Norris, P. (2017). Is Western Democracy Backsliding? Diagnosing the Risks // SSRN Electronic Journal. P. 1–27.
- Foa, R., Mounk, Y. (2017) The Signs of Deconsolidation // *Journal of Democracy*. Vol. 28. P. 5–15.
- Theories of society (1961) / ed. by T. Parsons et al. N. Y. : Free Press. 1479 p.
- Voeten, E. (2016). Are People Really Turning Away from Democracy? Rochester, NY : Social Science Research Network. URL: <https://papers.ssrn.com/abstract=2882878> (accessed: 26.02.2025).

Дата поступления: 27.02.2025 г.

THE GRIMACES OF LIBERAL DEMOCRACY:
THE DECLINE OF THE MODEL OR THE FAILURE
OF INCLUSIVE CONSOLIDATION?

PART I

R. T. MUKHAEV

PLEKHANOV RUSSIAN UNIVERSITY OF ECONOMICS, MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES,

E. E. PROKOPENKO

PLEKHANOV RUSSIAN UNIVERSITY OF ECONOMICS

The aim of the article is to reveal the causes of the crisis of the modern model of liberal democracy, to determine the possibilities of its adaptation to new economic, socio-cultural and civilizational contexts. The authors focus on the discourse of the concept of democracy, its various versions implemented in the political practices of modern countries, their advantages and disadvantages. Based on the methodology of comparative analysis, the factors of the reversibility of liberal democracy, the causes of the degradation of its institutions and the displacement of the discourse of democracy from the political agenda of the first half of the 21st century are identified.

A theoretical reflection of the state of modern Western political thought is carried out on the causes of the crisis of the liberal democracy regime and the possible consequences of its conflict with the modern neoliberal economy of the West.

Keywords: democracy; legitimacy; representativeness; liberalism; efficiency; political competition; human rights; unfree countries; indexes of democracy; authoritarianism; reversibility of democracy

REFERENCES

- Aristotel' (2022) *Politika* / transl. from Ancient Greek. Moscow, AST.
- Arshin, K. V. (2024) Kollektivism v diskurse sovremennogo natsionalizma: krizis grazhdanskogo obshchestva i vossozhdanie "my". *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 70–79.
- Grishin, I. V. (2005) Shvedskaia model' obshchestvennogo razvitiia. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, no. 10, pp. 76–87.
- Zhizhek, S. (2022) *Nepriiatnosti v Raiu. Ot kontsa istorii k kontsu kapitalizma* / transl. from English. Moscow, Rama Publishing. 361 p.
- Ingkharth, R. (2015) *Kul'turnaia evoliutsiia: kak izmeniaiutsia chelovecheskie motivatsii i kak eto meniaet mir* / transl. from English. Moscow, Mysl'. 347 p.
- Keins, Dzh. M. (2012) *Obshchaia teoriia zaniatosti, protsenta i deneg*. Moscow, Gelios ARV. 399 p.
- Kondorse, Zh. (2011) *Eskiz istoricheskoi kartiny progressa chelovecheskogo razuma*. Moscow, Librokom. 280 p.
- Kolin, K. K. (2022) Chelovechestvo na perelome: problema vybora tselei i strategii global'nogo razvitiia. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 33–49.

Krauch, K. (2023) *Postdemokratiia* / transl. from English. Moscow, ID Vysshei shkoly ekonomiki. 190 p.

Lipset, S. M., Sen, K.-R., Torres, D. Ch. (2008) Sravnitel'nyí analiz sotsial'nykh uslovií, neobkhodimykh dlia stanovleniia demokratii. *Mezhdunarodnyi zhurnal sotsial'nykh nauk*. Sravnitel'naia politologiya, pp. 5–33.

Lebedev, A. S. (2013) Krizis «shvedskoi modeli» gosudarstva vseobshchego blagosostoianiia. In: *Mezhdunarodnye otnosheniia i dialog kul'tur* / ed. by S. N. Pogodin. St.-Petersburg, Izd-vo Politekhnikeskogo universiteta. Pp. 300–321.

Lokk, Dzh. (1988) *Soch* : in 3 vols. Vol. 3. Moscow, Mysl'. 673 p.

Popper, K. (1991) Demokratiia i narodopravie. *Novoe vremia*, no. 8, pp. 41–43.

Pshevorskii A. (1999) *Demokratiia i rynek. Politicheskie i ekonomicheskie reformy v Vostochnoi Evrope i Latinskoi Amerike* / transl. from English. Moscow, ROSSPEN. 319 p.

Sostoianie svobody v mire (2018) Freedom in the world 2018: report of Freedom House [online]. Available at: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2018/democracy-in-retreat> (accessed: 01.12.2024).

Sostoianie svobody v mire (2019) Freedom in the world 2019: report of Freedom House [online]. Available at: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2019/democracy-in-retreat> (accessed: 01.12.2024).

Sostoianie svobody v mire (2024) Freedom in the world 2024: report of Freedom House [online]. Available at: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2024/democracy-in-retreat> (accessed: 01.12.2024).

Stiglits, Dzh. (2020) *Liudi, vlast' i pribyl' . Progressivnyi kapitalizm v epokhu massovogo nedovol'stva* / transl. from English. Moscow, Al'pina-Publisher. 511 p.

Tokvil', A. de (2000) *Demokratiia v Amerike* / transl. from English. Moscow, «Ves' mir». 560 p.

Fukuiama, F. (2004) *Konets istorii i poslednii chelovek* / transl. from English. Moscow, AST. 351 p.

Khantington, S. (2003) *Tret'ia volna. Demokratizatsiia v kontse XX veka* / transl. from English. Moscow, ROSSPEN. 365 p.

Shtrik, V. (2019) *Kuplennoe vremia. Otsrochennyi krizis demokraticeskogo kapitalizma* / transl. from German.. Moscow, ID Vysshei shkoly ekonomiki. 280 p.

Engel's, F. (2022) *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva*. Moscow, Eksmo-Press. 228 p.

Alexander, A. C., Welzel, C. (2017) The Myth of Deconsolidation: Rising Liberalism and the Populist Reaction. *ILE Working Paper*, no. 10. University of Hamburg, Institute of Law and Economics. P. 1–15

Grayling, A. C. (2017) *Democracy and its Crisis*. *Oneworld Publications*. 240 p.

Levitsky, S., Ziblatt, D. (2018) *How Democracies Die*. *Penguin*. 312 p.

Norris, P. (2017). Is Western Democracy Backsliding? Diagnosing the Risks. *SSRN Electronic Journal*, pp. 1–27.

Foa, R., Mounk, Y. (2017). The Signs of Deconsolidation. *Journal of Democracy*, vol. 28, pp. 5–15.

Theories of society (1961) / ed. by T. Parsons et al. N. Y. : Free Press, 1479 p.

Voeten, E. (2016). *Are People Really Turning Away from Democracy?* Rochester, NY : Social Science Research Network. Available at: <https://papers.ssrn.com/abstract=2882878> (accessed: 26.02.2025).

Submission date: 27.02.2025.

Мухаев Рашид Тазитдинович — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политического анализа Высшей школы социально-гуманитарных наук РЭУ имени Г. В. Плеханова, профессор кафедры рекламы и массовых коммуникаций Московского гуманитарного университета. Адрес: 115054, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36. Тел.: 8-495-800-12-00. Эл. адрес: Muhaev_r@mail.ru

Прокопенко Елена Евгеньевна — кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа Высшей школы социально-гуманитарных наук РЭУ имени Г. В. Плеханова. Адрес: 115054, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36. Тел.: 8-495-800-12-00. Эл. адрес: apro2009@yandex.ru

Mukhaev Rashid Tazitdinovich, Doctor of Political Science, Professor, Professor, Department of Political Analysis, Higher School of Social Sciences and Humanities, Plekhanov Russian University of Economics, Professor, Department of Advertising and Mass Communications, Moscow University for the Humanities. Postal address: 36, Stremyanny Ln., Moscow, Russian Federation, 115054. Tel.: 8 (495) 800-12-00. E-mail: Muhaev_r@mail.ru

Prokopenko Elena Evgenievna, Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Political Analysis, Higher School of Social Sciences and Humanities, Plekhanov Russian University of Economics. Postal address: 36, Stremyanny Ln., Moscow, Russian Federation, 115054. Тел.: 8 (495) 800-12-00. E-mail: apro2009@yandex.ru